

либо (в верхах) усваивало наряду с достоинствами и пороки вырождающейся античной культуры, либо (в низах) вульгаризировалось под влиянием примитивных народных культов. Только у германцев оно стало истинной религией всего народа. Думается, что такая концепция столь же не оправдана, как и другая, упомянутая выше крайность. Конечно, значительная модификация христианства после превращения его в государственную религию и под влиянием античной философии несомненна. Но, делая упор на одном этом обстоятельстве, нельзя понять, почему же христианство сохраняло свою притягательную силу не только на Западе, но и на Востоке, где к его дальнейшей судьбе не были причастны германцы. И, наконец, надо еще доказать, что последние в своей массе поняли и приняли христианство в более, так сказать, чистом виде, не отягченным примитивными верованиями, чем это мог сделать простой народ провинций, а это вряд ли можно сделать достаточно убедительно.

По-видимому, историю угадка античной культуры и развития христианского мировоззрения, следует рассматривать более разносторонне, более, если можно так выразиться, многослойно. Следует постоянно задумываться о том, почему в то или иное время для тех или иных социальных групп и классов, а затем и для всего общества, христианство и его различные направления стали насущно необходимы, почему споры о богословских тонкостях стали животрепещущими фактуальными для всех слоев общества и именно на них сосредоточились основные умственные и духовные интересы. Делая упор лишь на близости христианской и античной мысли, затушевывая остроту идеологической борьбы, ставшей, в силу специфических особенностей той эпохи, одной из основных форм борьбы социальной, вряд ли можно достаточно полно вскрыть процесс трансформации позднеримского мира и его культуры.

Стоя, в общем, хотя и с некоторыми оговорками, на позиции континуитета, И. Фогт не только отрицает революцию при переходе от античного мира к феодальному, но опять-таки основное внимание сосредоточивает на переживании социально-экономических, политических и культурных институтов после падения Империи. В германских королевствах, доказывает он, сохранились не только многие элементы римской административной системы, но и те же, что в Империи, земельные магнаты, колонны и рабы, еще раньше начавшие сливаться в класс сервов (стр. 233—237, 246, 257, 270). Все это, в общем, не подлежит сомнению, но, видимо, следует в большей мере учиты-

вать, что все эти институты были наследием не классического античного мира, а порядков, сложившихся в провинциях уже издавна, правда, во взаимодействии, но вместе с тем и в противоречии с античными порядками. Крупные экзимирированные салтусы и зависимые земледельцы не однотипны античному городу и рабовладельческой вилле, и только в них могли развиваться элементы феодальных отношений как в рамках Империи, так и после ее падения. Именно вследствие их однотипности феодальной структуре могли они не только пережить Империю, но и прогрессировать в германских королевствах. Однако это еще не дает права без всяких оговорок считать, что там сохранялись и античные отношения. Даже выживание старых городов, формально управлявшихся по-старому городскими куриями, еще ничего само по себе не доказывает. Города могли сохраниться как торгово-ремесленные, административные, культурные и религиозные центры, но утратить характер города в античном понимании этого слова.

Весьма вероятно, что падение Империи нельзя считать ни революцией, ни даже каким-то решительным, переломным моментом. Но когда-то такой перелом все же произошел, хотя, скорее всего, не одновременно для всей Империи. Все дело в том, чтобы достаточно четко определить его сущность и хронологические рамки. Когда и как совершался он в отдельных областях, входивших в состав римской державы? Можно ли связывать его с кризисом III в., с правлением Константина, или с теми веками, когда закончился генезис феодализма в германских королевствах? Диапазон возможных мнений тут очень широк, и однозначное решение пока не найдено. Не найден еще ответ и на вопрос о самой возможности и путях перехода от чисто античных к зарождающимся и развивающимся феодальным отношениям. Мог ли он совершиться непосредственно за счет разложения первых и вызревания в их рамках вторых, или элементы феодального строя прогрессировали параллельно с регрессом античного способа производства, но вне его, так как для античного строя выход из тупика без влияния и вмешательства внешних сил был невозможен?

Видимо, поиски решения этих и многих других связанных с ними вопросов будут продолжаться и далее, так как они непосредственно соприкасаются с теми общими историко-философскими проблемами, которые остаются актуальными для всех эпох, хотя каждая из них ставит и понимает их по-разному.

Е. М. Штаерман

«*Les Empereurs Romains d'Espagne*», Р., 1935, 307 стр. + указатели

Книга «Римские императоры испанского происхождения» представляет собою том докладов, прочитанных на Международном коллоквиуме, проведенном в Мадриде (март — апрель 1964 г.) французским Национальным центром научных исследований в «*La Casa de Velázquez*». В работе коллоквиума приняли участие историки Франции, Испании, Англии, Италии, Австрии и Америки; его председателем был Андре Пиганьоль.

Как видно из заглавия книги, в ней объединены исследования о римских императорах, уроженцах Испании — Траяне, Адриане, узурпаторе Магнe Максимe, Феодосии. Посвященные, казалось бы, отдельным лицам, доклады интересны для общей истории Ранней и Поздней империи, для исследования ее различных сторон — политической, социально-экономической, идеологической и военной. Доклады весьма содержательны по приводимым в них фактическим данным. Вместе с докладами опубликованы небезынтересные материалы обсуждения.

Сборник открывается докладом профессора Мадридского университета А. Гарсиа-и-Бельидо «Италика Адриана»¹, проводившего раскопки в Италике. Первое римское поселение в Испании (на северо-восток от совр. Севильи), родина Траяна и Адриана, Италика была основана Сципионом Африканским в 206 г. до н. э. для своих ветеранов, переселившихся туда со всей Италии (App., Iber. 38). Цезарь (или Август) дали городу статус муниципия; Адриан сделал его колонией по просьбе самих граждан (Aul. Gell., NA, XVI, 13, 4). Как показывают раскопки, Италика была значительным городом: площадь города внутри стен занимала 30 га с населением в 8—10 тыс. чел.; город имел третий по величине во всей Империи амфитеатр (времени Траяна или Адриана), театр, термы. Город республиканского времени не раскопан — его площадь занята современными постройками. Слои доримского времени дают греческую керамику V—IV вв. до н. э. и местную керамику иберов. При Адриане город сильно увеличился в западном направлении и был отстроен, как полагает Бельидо, ex novo. (В статье приведен план раскопок Италики, фото великолепных мозаик и статуй, сделанных в Риме и представляющих собой копии статуй из виллы Адриана в Тибуре.) Первые римские граждане в Италике носят имена Корнелиев (они получили римское гражданство от основателя города); большинство — с именами Ульпиев и Элиев.

Доклад Жапа Беранже был посвящен «Понятию Принципата в правление Траяна и Адриана»². Автор считает, что если когда-либо в Риме и существовало теоретическое представление о целях и методах римского правительствa, то такое представление было создано в правление Траяна и Адриана. К этому времени, отмечает Беранже, Принципат уже никто не осуждал, что отразилось в словах Тацита о правлении Нервы, который, как Тацит написал, восстановил principatем ac libertatem (Tas., Agr. 3, 1). Антидомициановская реакция не коснулась принципата как формы правления. Напротив, избрание Нервы отвечало желанию укрепить и увековечить принципат. Характерный для Принципата Антонинов принцип адаптации, по его мнению, не носил случайного характера. Принципат Траяна и Адриана представляется Беранже продолжением принципата Августа. Оба они своим правлением не только иллюстрировали Принципат Августа, но и осылали его. (Беранже указывает на сходство в монетных типах Августа и Адриана, на одинаковое толкование Libertas, как аспекта социальной политики). И Траян и Адриан, указывает Беранже, управляли не только с помощью идей, но и с помощью неписанной конституции и законов. Он анализирует свидетельства Плиния об optimus princeps, «воплотившем в лице Траяна республику», Плутарха, посвятившего свои «Изречения царей и полководцев» Траяну, Диона Хрисостома, «Панегирик Риму» Элия Аристида. Беранже отмечает, что все эти греки были единодушны в суждении о том, что «только монархия была в состоянии обеспечить царство добродетелей и потому превосходит все другие формы правления». Тацит, обещавший описать правление Нервы и Траяна (Hist. I, 1, 4) не сделал этого потому, замечает Беранже, что принципат, осуществленный этими Антонинами, не соответствовал представлениям Тацита, более того, он был следствием режима Августа.

В докладе Марселя Дюри выясняется карьера Траяна-отца³, которая началась в Палестине в качестве легата легиона X Fretensis во время Иудейской войны, когда он стал лично известен Веспасиану. Веспасиан сделал его патрицием. В 70 г. отец Траяна был избран консулом, в 78 г. он был наместником Азии, еще ранее Беттики, Сирии и какой-то другой провинции, оставшейся неиз-

² Jean Beranger, La Notion du principat sous Traian et Hadrien, стр. 27—40.

³ Marcel Dury, Sur Trajan Père, стр. 45—51.

¹ A. Garcia y Bellido, La Italica de Hadriano, стр. 7—23.

вестной. Затем М. Дюри выясняет вопрос, когда отец Траяна умер и когда был обожествлен.

В докладе Робера Этъена сделана попытка определить число сенаторов-испанцев в римском сенате при Траяне и Адриане и их значение в императорском правительстве⁴. Вначале Р. Этъен отмечает, что данные П. Ламбрехта о составе римского сената нуждаются в уточнениях⁵. Ламбрехт считал, что провинциальная фракция в сенате со времени Траяна до Коммода оставалась постоянной, составляя 43% против 22% при Домициане. По данным Р. Этъена, в составе сената провинциалов при Нерве было 35,76%, при Траяне — 45,02%, при Домициане — около 30%, при Адриане — 46,73%. Если Ламбрехт считал, что число сенаторов восточного происхождения, введенных в сенат Траяном, было большим, чем при Адриане, то Этъен показывает, что, напротив, при Траяне большинство сенаторов-провинциалов было западного происхождения, при Адриане — восточного. Число сенаторов-испанцев при Адриане уменьшилось, и они потеряли свое прежнее значение. Этъен дает сам перечень сенаторов-испанцев; при Нерве их было 14. При Траяне также 14 человек; в их числе был Адриан. При Адриане в составе сената было шесть испанцев. Из 34 сенаторов-испанцев 21 были уроженцами Беттики (девять человек из самой Италии); девять сенаторов происходили из Ближней (или Тарраконской) Испании. Этъен отмечает большую роль сенаторов-испанцев в администрации Империи и в военном командовании.

В докладе Георга Пфлаума было рассмотрено участие всадников испанского происхождения в администрации Империи⁶. Кроме Италики, Пфлаум называет другие римские колонии в Испании, которые были родиной известных римских всадников: Картеию, основанную в 171 г. до н. э., Гракхуррис, выведенную отцом Гракхов в 179 г. до н. э., и Кордубу, основанную Клавдием Марцеллом в 152 г. до н. э. В 49 г. до н. э. статус муниципия от Цезаря получил Гадес; отсюда происходил знаменитый Луций Корнелий Бальб, преданный Цезарю и Августу «богатейший банкир и делец». Г. Пфлаум указывает на подъем муниципальной жизни в испанских городах и участие «муниципальной бур-

жуазии» в администрации Империи. Он обстоятельно прослеживает карьеру римских всадников в администрации Империи и насчитывает 19 всадников, уроженцев Ближней Испании (Тарракон, Сагунт, Юлиобрига) и Беттики (Кордуба, Италика, Гиспалис), которые были прокураторами в Египте, в Германии, Галлии, Мавретании, а также использовались в администрации самого города Рима (прокураторы по выпуску монеты, прокураторы, ответственные за институт *alimenta*).

Доклад Джемса Оливера был посвящен Афинам времени Адриана⁷. Оливер отмечает, что Адриан провел ряд важнейших мероприятий в области экономической и культурной жизни Афин, Адриан поставил Афины во главе панэллинской федерации. При нем Афины вступили в новую эпоху своего расцвета. Оливер рассматривает ряд конкретных мероприятий Адриана: учреждение в Афинах финансового бюро римской администрации — опистодома, который он уподобляет римскому *kalendarium*, ведавшему в муниципиях поступлением налогов с арендуемых частными лицами у города земель. Этот опистодом, название для которого, по мнению Оливера, было заимствовано от наименования *οπισθοδομος* государственной казны афинян (хранившейся в храме Афины на акрополе), принимал налоги за сданные в аренду афинянам земли, находившиеся в собственности римского государства. Этими землями он считает императорские имения в Аттике, образовавшиеся вследствие конфискации Домицианом имений Тиберия Клавдия Гиппарха, деда известного Герода Аттика. Эти земли могли теперь сдаваться в аренду, и налоги с них поступали в фиск, их учет и вела канцелярия опистодома⁸.

Оливер отмечает большую строительную деятельность Адриана в Афинах. Известная арка Адриана (с греческой надписью: «Прежние Афины — старый город Тезея, нынешние — Адриана, а не Тезея город») должна была, по его мнению, символизировать то, что как с Тезеем впервые началась общественная жизнь Афин, так новый этап в истории города должен был начаться с Адриана, когда Афины стали рассматриваться как «модель» Эллады. Оливер упоминает ряд конкретных мероприятий Адриана в Афинах — учреждение содержавшейся на государственные счет кафедры реторики, сооружение библиотеки, гимназия, знаменитого храма Зевса Олимпийского,

⁴ Robert Etienne, *Les sénateurs espagnols sous Trajan et Hadrien*, стр. 55—82.

⁵ P. Lambrechts, *Trajan et le recrutement du Sénat, L'Antiquité Classique*, V, 1936.

⁶ H. G. Pflaum, *La part prise par les chevaliers romains originaires d'Espagne à l'administration imperial*, стр. 87—119.

⁷ James H. Oliver, *The Athens of Hadrian*, стр. 123—132.

⁸ Этот опистодом назван на фрагментарной надписи времени Марка Аврелия или Коммода, опубликованной в «*Ne-spertia*» и восстановленной Мериттом (т. XXIX, 1960, стр. 29—32, № 37).

постройку плотины через р. Илисс, рынка, бань, водопровода (95 надписей на алтарях из Афин называют Адриана спасителем и основателем, Зевсом Олимпийским). Оливер подчеркивает, что интерес Адриана к Афинам не был только интересом к старому городу с великим прошлым; его намерением было превратить Афины в отечество всех цивилизованных людей: Римская империя представлялась Адриану миром с двумя языками — греческим и латинским, но с одной культурой, в которой как греки, так и римляне превзошли все другие народы.

Оливер останавливается на мероприятиях Адриана в Элевсине. Император был посвящен в элевсинские мистерии и провел ряд мер в пользу города (в Элевсине он построил мост через р. Кефис и издал указ о местном рыбном рынке).

Оливер затрагивает и вопрос о символическом значении афинского гражданства для римлян. Он отмечает, что у римлян, лиц сенаторского и всаднического ранга, не было обычая получать еще одно гражданство кроме своего собственного — римского и гражданства города Рима. Исключение делалось римлянами только для афинского гражданства. В конце Республики только некоторые италийцы, вероятно из Греческой Кампании, получали афинское гражданство. (Первым, кто до времени Домициана получил афинское гражданство и стал архонтом в Афинах, был римский всадник Квинт Требеллий Руф, уроженец Галлии. Адриан — второй знаменитый римлянин, получивший гражданство в Афинах будучи еще сенатором при Траяне; афинским гражданином стал также Коммод и того же самого деда Беса, что и Адриан). Среди эллинов двойное гражданство было обычным, даже когда они получали римское гражданство.

Аграрной политике Адриана был посвящен доклад А. Пиганьоля⁸. В начале своего доклада А. Пиганьоль замечает, что ему кажется разумным исходить из тезиса М. И. Ростовцева, сказанного в его «Социальной и экономической истории Римской империи»: «Гибельное положение Империи дает нам объяснение политики Адриана». А. Пиганьоль отмечает, что «путешествия Адриана по провинциям имели целью проверить и мобилизовать все жизненные силы Империи против угрозы надвигающегося упадка. Несомненно, продолжает он, политика Адриана способствовала урбанизации Империи, но император занимался также и улучшением участи крестьян». Далее А. Пиганьоль переходит к рассмотрению свидетельств источников о вмешательстве Адриана в земельные отношения. Уже в начале своего правления в 117 г. он обложил

в Египте царские земли, земли общин и частные (γῆ βασιλική, δημοσία, οὐσιακή) налогом по новому тарифу согласно качеству земель (κατ'ἀξίαν ἐκάστης). Более ясные свидетельства аграрной политики Адриана известны для Африки: Lex Hadriana de rudibus agris et iis qui per X annos continuos inculti sunt, полный текст которого известен из надписи времени Северов. В согласии с Каркопино Пиганьоль относит Lex Hadriana не только к Африке, но и ко всей Империи. Основание этому он усматривает в том, что редакция текста Lex Hadriana близка к тексту закона Пертинакса, переданного Геродианом (II, 4, 6): «прежде всего он с Пертинаксом» позволил все земли в Италии, а также и у остальных народов, остающиеся невозделанными и совершенно заброшенными, занимать, кто сколько хотел и мог, даже если бы это были императорские земли (εἰ καὶ βασιλέως κτήμα εἴη). Заботящемуся о них и обрабатывающему их он позволил быть их собственником (δеспότης εἶναι). Заявившим такие земли Пертинакс предоставлял на 10 лет освобождение от арендной платы. Различие закона Адриана и закона Пертинакса состояло в том, указывал Пиганьоль, что заявивший такие земли по закону Пертинакса становился их собственником — δеспότης, хотя терминология Геродиана и не может являться безусловно точной. Главная же черта закона Адриана — определение юридического статуса земель, захваченных на собственности другого, которое состояло в праве владения и пользования землей и оставления ее своему наследнику: ius possidendi ac fruendi heredique suo relinquendi. (Формулу, идентичную закону Адриана, Пиганьоль находит в статье аграрного закона 111 г. до н. э.). А. Пиганьоль сравнивает Lex Manciana и Lex Hadriana и различие их видит в том, что первый был consuetudo одного домена и имел намерением покровительствовать образованию мелких держателей на землях крупных имений, которые, несмотря на свою очевидную независимость, были обязаны этим имениям постоянными повинностями. Напротив, Lex Hadriana предусматривал прямое подчинение возделывавшего заброшенную землю уже не частному лицу, прежнему собственнику земли, но государству. Далее А. Пиганьоль останавливается на других свидетельствах источников, указывающих на захват заброшенных или пустующих земель города или других общин. (Так, он считает, что в Евбейской речи Диона из Прусы, составленной при Траяне, скрывает пожелание разрешить частным лицам занимать пустующие общественные земли. Как напоминает Пиганьоль, некоторые исследователи считали, что в речи Диона сохранился проект аграрного закона Траяна. Он ссылается затем на пример Дельф, для которых от времени

⁸ André Piganiol, La politique rurale d'Hadrien, стр. 135—143.

Адриана известно, что в Дельфах дробилась на участки пустующая общественная земля и ее позволялось приобретать во владение частным лицам. Если надписи из Африки, заключающие Пиганьоль, показывает, что *Lex Hadriana* действовал в императорских салтыусах, то надписи из Дельф подтверждают, что он применялся также и на землях общин).

А. Пиганьоль приводит данные о том, что Адриан предпринял много усилий и относительно размежевания земель, шла ли речь о землях частных лиц, городских общин или государства. Он ссылается на специальный рескрипт Адриана о наказаниях за перестановку межевых знаков. Наказание налагалось в зависимости от социального положения обвиняемого и его намерений (*ex condicione personae et mente facientis*)⁹. Пиганьоль приводит также пример с фригийским городом Азаны (времени 125—126 г.). В этом городе земли, принадлежавшие местному храму Зевса, являвшиеся общим достоянием, захватили частные лица. Наместник провинции Авидий Квиет запросил императора о его мнении. Сохранился латинский текст ответа Адриана, который рекомендовал узнать средний размер надела в соседних общинах (*in vicinis civitatibus*). Квиет запросил об этих сведениях прокуратора. Греческий текст ответа Квиета, направленный буле, архонтам и народу Азанов резюмирует всю эту процедуру (OGIS, 502). В 1938 г. был найден двуязычный текст надписи, из которого следует, что установление межевых знаков имело место в 128 г.: Адриан объявляет, что он вернул Зевсу и общине Аза-

⁹ «Божественный Адриан предписал в таких словах: Не должно сомневаться в том, что наихудшим из содеянного является передвижение межевых знаков, поставленных ради соблюдения границ. Мера наказания, однако, может быть наложена, исходя из положения лица это сделавшего и его намерений. Ибо, если обвиняемые — лица выдающегося положения (*splendidiore personae*), то они несомненно сделали это ради захвата чужих полей (*occupandorum alienorum finium causa*) и могут на время, насколько позволяет возраст, быть приговорены к изгнанию: молодой человек — на больший срок, старый — на сокращенный. Если это сделают те, которые занимаются торговлей и служат, они также должны быть наказаны и приговорены на два года к принудительным работам в рудниках. Если межевые знаки будут похищены по незнанию или случайно, тех достаточно наказать словесно» (Dig., XLVII, 21, 2). Хотя относительно этого текста предполагают позднейшую вставку (мера наказания представляется необычайной для первой половины II в.), Пиганьоль настаивает, что текст этот характерен для метода Адриана и принадлежит он 119 г.

нов, земли, данные им царями Атталом и Прусией (*finēs... datos ab Attalo et Prusia regibus*). Адриан вернул земли городу Абдере и по этому случаю был удостоен эпитета *Ζεὺς Ἐφ' ὅριος* (Хранитель межи). Пиганьоль подчеркивает, что политика Адриана в области межевания была новой, хотя нечто подобное было проделано Траяном в Дельфах, и еще ранее Веспасиан попытался забрать у захвативших в частные руки общественные земли городов. А. Пиганьоль приводит данные об определении Адрианом границ между городами и племенными общинами в Македонии и Далмации, между провинциями Понтом и Вифинией. Он определил также границы Пальмиры, установленные в правление Тиберия наместником Сирии, и провел размежевание земель на территории городов Цирты и Сига в Африке. Известно также о проведенном при нем в Ливане *definitio silvarum*, находившихся в собственности государства. Аграрная политика Адриана в начале его правления и в конце по заключению Пиганьоля была различной.

Доклад А л в а р о д' О р с а был посвящен значению деятельности Адриана в истории римского права¹⁰. По его мнению, изменения, введенные Адрианом в администрацию Империи и в римское право, могут быть названы революцией административной структуры, основанной на новой ориентации, инспирированной эллинизмом, результаты которой дали почувствовать себя позже.

Д'Орс считает, что эта революция была подобна той, которую провел Август, но противоположна по смыслу, поскольку, речь шла о возвращении к *βασιλεία* Цезаря. Административные реформы Адриана в области права Орс видит в свидетельствах Аврелия Виктора (Epit. de Cals. 14, 11), сообщающего, что Адриан разумно организовал государственную, дворцовую и военную службу, которая с некоторыми изменениями, внесенными Константином, сохранялась и в его, Аврелия Виктора время (конец IV в.), а также в данных Дигест. Он рассматривает введение Адрианом для Италии должности четырех судей из бывших консулов, определение им компетенции префекта города, учреждение *consilium principis* из друзей императора и виднейших юристов. Он считает, что Адриан подчеркнул преимущественное право императора издавать и истолковывать эдикты; при нем появилась судебная бюрократия и прекратилось свободное судопроизводство. Общие выводы, к которым приходит Орс, следующие: 1) реформаторская деятельность Адриана приходится на последние годы его правления (132—133 гг.). 2) эллинистическая идеология

¹⁰ Alvaro d'Ors, La signification de l'oeuvre d'Hadrien dans l'histoire du droit romain, стр. 147—158.

Адриана и его правление показывают в развитии идею его предшественника Цезаря; традиционализм Августа был оставлен; 3) политика Адриана была направлена на распространение на Италию режима провинциальной администрации, на уравнение в правах Италии и провинций: главный помощник императора юрист Юлиан был африканцем. Адриан предвосхитил ивелеировку областей и населения империи, проведенную позднее Каракаллой; 4) реформы Адриана не столько обозначали улучшение администрации Империи, сколько прогресс в праве; 5) провинциальное право достигло того же положения при Адриане, что и право Рима и Италии; был также расширен круг сферы деятельности юристов; 6) деятельность Адриана в области права обозначает разрыв с классическим правом.

В докладе Поля Вейна была рассмотрена алиментарная политика Траяна¹¹. Поставив два вопроса, каковы были намерения Траяна, учредившего институт *alimenta*, и какова была структура этого института, Вейн отмечает, что на первый из вопросов можно получить удовлетворительный ответ, на второй — лишь частичный. Напомнив вначале, что *alimenta* предназначались городам Италии (за исключением Рима, который имел свои *frumentationes*), он сообщает, что в Италии *alimenta* пользовались 1197 городов, в муниципиях был введен особый штат *quaestores* и *curatores alimentorum*; за функционированием всего института следило лицо сенаторского ранга, назначенное императором (*praefectus alimentorum*, *praefectus Augusti ab alimentis*). Затем П. Вейн останавливается на имеющихся в литературе оценках института *alimenta*: вспомоществование бедным или забота о земледелии. Отмечая, что *alimenta* носили характер личной помощи императора, который выступал как эвергет, о чем свидетельствует терминология дошедших надписей, П. Вейн высказывает соображение о том, что римское аграрное законодательство не знало такого словоупотребления как «помощь бедным гражданам». Поэтому и аграрное законодательство, и *frumentationes* города Рима, и *alimenta*, предназначавшиеся для бедных, декретировались как бы для всего народа, для всей совокупности граждан. Практически же те, кого имеют в виду *alimenta* Траяна, или хлебные раздачи в Риме, или еще ранее аграрное законодательство Республики — это бедные граждане, которые нигде, однако, так не называются. Они только благотельствуемые и получающие хлеб, доставляемый в качестве трибута из провинций. Помощь бедным как определенное направление в политике государства впервые

появилась с христианством (стр. 166—167).

Вместо того, чтобы говорить о помощи нуждающимся, императоры предпочитают представлять на монетах *felicitas publica* или *felicitas temporum* как направление, определяющее их программу. П. Вейн указывает на различие между *alimenta* христианской империи и времени Принципата. В пропаганде эпохи Траяна *alimenta* никогда не представлялись как совершенное нововведение с новым содержанием, но, наоборот, как институт традиционный и исконно италийский. П. Вейн приходит к выводу, что главной целью *alimenta* Траяна было увеличение населения Италии; они способствовали и набору в армию.

В докладе Рольфа Ньерхауса для доказательства экономического подъема Беттики в правление Траяна и Адриана использованы археологические данные¹². Ньерхаус отмечает, что амфорные клейма указывают на большие хозяйственные связи Испании с соседними северными областями Империи. Затем он возвращается к толкованию недавно найденных и опубликованных надписей из муниципия *Munigua* (совр. Мутьва). Одна из них содержит текст письма императора Тита, адресованного кваттуорвирам и декурioniам Мунигуи, которой Флавии дали статус муниципия. Из письма Тита (от 7 сентября 79 г.) видно, что муниципий находился в тяжелом финансовом положении: община, будучи присуждена наместником Беттики уплатить денежную сумму (величина которой не сохранилась в надписи), не смогла этого сделать и обратилась к императору. Тит отклонил просьбу города и, кроме требуемой наместником суммы, наложил на город штраф вследствие необоснованной жалобы (*poena iniustae appellationis*). Но как сообщается в письме, император освобождает общину от уплаты 50 тыс. сестерциев (считается, что это и был денежный штраф) по причине ее бедственного положения (*tenuitas publica*). Спустя 40 лет, отмечает Ньерхаус, эта же самая община, жаловавшаяся на свое стесненное положение в 79 г., в 115—125 гг. оказалась в состоянии выстроить дорогостоящее святилище. Ньерхаус ставит вопрос, как согласовать эти противоречивые свидетельства. И отвечает, что трудности, испытывавшие муниципием Мунигуи, были временными и обусловленными интенсивной политикой урбанизации Испании, особенно Беттики, проводившейся Веспасианом, когда общины, получившие городское право, вынуждены были производить большие траты на строительство курии, форума, храмов и пр. Почти одновременно в Бетике был

¹¹ Paul Veyne, Les «*alimenta*» de Trajan, стр. 163—177.

¹² Rolf Nierhaus, Zum Wirtschaftlichen Aufschwung der Betica zur Zeit Traians und Hadrians, стр. 183—190.

введен дорогостоящий императорский культ, отправлением которого не ограничивалось только Кордубой — столицей Бетики. Археологический же материал свидетельствует, что в последнюю четверть I в. и в первой половине II в. отмечен обширный экспорт в Испанию вина, оливкового масла и рыбного соуса (*garum*). Расцвет Бетики при Адриане связан также с расцветом Италики, которая была значительным портом на Гвадалквивире.

Доклад Э. С в о б о д ы был посвящен мероприятиям Траяна на паннонском лимесе¹³. Лимес Свобода оценивает как моральную и административную границу Империи, отделявшую варваров от римлян. Он считает, что военное значение лимеса в литературе переоценено: лимес не был ни надежной защитой от германцев, ни операционной базой для римских выступлений в тыл врага, ни достаточным обеспечением политических целей Империи. Он считает даже (без убедительных, впрочем, оснований), что во время Маркоманнских войн (166—180 гг.) Карнунт был захвачен квадами и якобы три года находился в их руках). По его мнению, Траян не произвел никаких изменений на лимесе на правом, римском берегу реки, он не был также инициатором сооружения римских укреплений на левом, варварском берегу Дуная. Римские крепости, которые находятся на левобережной стороне (в совр. Австрии и Чехословакии) и которые связывают с Марком Аврелием и Валентином I, Свобода считает сооружениями, возведенными на основе прежних, местных укреплений. Моральное воздействие на варваров лимес оказывал посредством возведения все новых укреплений, которые со времени Домициана располагались очень часто, что, однако, не защищало Империю от вторжений. На моральном воздействии лимеса основывалось и его значение как административной границы, которая контролировала сообщение по Дунаю, взимала таможенные сборы и пр.

Маргарита Гвардуччи сделала доклад о религиозных верованиях Адриана¹⁴. Она отмечает, что трудно проникнуть в богатую и сложную личность Адриана, у которого почитание официальных культов сочеталось с искренней религиозностью. Известно, что в Риме, на форуме он построил храм Венеры, прародительницы Юлиев и храм Рому. Прославление вечного города (*Roma aeterna*) занимало большое место в религиозной политике Адриана и отразилось в выпуске им в 121 г. серии монет с легендой *saeculum aureum* и символической

фигурой *Αἰών* (греческий эквивалент *saeculum*). Для религиозной политики Адриана характерна *pietas*: Адриан построил храм Траяна, храм Матидии, племянницы Траяна, базилику Матидии и Марцианы, сестры Траяна. В масштабах всей Империи Адриан использовал в политических целях отдельные особо почитаемые культы — так, в Афинах он построил храм Зевса Олимпийского, где была помещена колоссальная статуя Зевса из золота и слоновой кости; сам Адриан принял титул Зевса Олимпийского. Намерением Адриана было объединить вокруг этого культа всех эллинов; на месте разрушенного храма в Иерусалиме был построен в 130 г. храм Юпитера Капитолийского, и сам город был переименован в *colonia Aelia Capitolina*. Адриан посетил в качестве паломника Додону и принял титул *Ζεὺς Δωδωναῖος*, святилище Эроta в Феспиях, оракул Трофонии в Ливадии (в Беотии); он был посвящен в Элевсинские мистерии, которые намеревался ввести в Риме.

В докладе С. Ламбрино были рассмотрены местные культы в Испании в правление Траяна и Адриана¹⁵. Ламбрино отмечает, что распространение надписей, называющих местные божества, соответствует историческим событиям и отношениям в римской Испании: большинство надписей происходит из слабо романизированных областей (Астурии, Галлеции, Кантабрии), которые были завоеваны Августом в войнах 29—19 гг. до н. э. На юге Испании и на Средиземноморском побережье, где римское владичество насчитывало уже два столетия до Августа и где еще раньше возникли греческие колонии, местные культы совсем исчезли. Некоторые местные культы продолжали сохраняться во внутренних областях. Вопрос о роли местных божеств, их функциях и значении в религиозной жизни местного населения не может быть полностью выяснен, отмечает Ламбрино, так как личные кельтские имена, названия божеств и топонимика находятся в процессе изучения. В Испании встречены божества, хорошо известные как в других кельтских странах, так и только в Испании, например, *Vodus* — божество войны. (Корень *vodu*, указывает Ламбрино, означает «воинственный ворон, приносивший победу»; этот же корень присутствует в мужском имени *Voduogenos* и *Voduognatus*, имени вождя первийев у Цезаря, BG, II, 23, 4). Известны надписи с упоминанием божества *Carus* и *Erudinus* (корень *rud* встречается в личных именах из Галлии). Из области луссонов в Испании происходит божество *Atco*, которое в Германии появляется в форме *Artio*, в Швейцарии в виде жен-

¹³ Erich S w ó b o d a, Traian und der pannonische Limes, стр. 195—208.

¹⁴ Margherita G u a r d u c c i, La religione di Adriano, стр. 209—219.

¹⁵ Scarlat L a m b r i n o, Les cultes indigènes en Espagne sous Traian et Hadrien, стр. 221—239.

ского божества — *deae Artioni*: обе формы связаны с греческим *ἄρτιος* или *ἄρτιος*). *Tutela Bolgensis* и *Trebaruna* считаются Ламбрино покровительницами племен, первая — племен белгов (что видно из самого корня — *bolg* и имени *Bolgios* вождя белгов, принимавших участие во вторжении кельтов во Фракию в 280 г. до н. э.) вторая, *Trebaruna* — покровительница больших коллективов людей — города или племен. (Ее имя, как считает Ламбрино, присутствует в названии племен *atrebates* и города *Contrebia*).

Менее многочисленны надписи с упоминанием божеств с культовыми функциями. Божество *Dulovius* появляется на алтарях с изображением быка. Бога *Endovellicus* находят на многих алтарях, в венке из цветов и сосновых шишек, символов вечной жизни.

Самая многочисленная группа божеств местного происхождения выступает, по мнению Ламбрино, в форме *interpretatio Romana*, когда местные боги ассоциировались с теми из римских богов, с которыми у них обнаруживалось сходство в функциях божества. В надписях из Испании местные боги выступают ассоциировавшимися с самыми могущественными из римских богов и с самыми скромными. К этим божествам обращаются не только местные уроженцы, но и римляне.

Сам процесс римской интерпретации местных богов проходит, по наблюдению Ламбрино, несколько этапов. Он прослеживает их на примере *Cosus Mars*, в котором объединились два божества — местное *Cosus*, созвучное римскому Марсу, и Марс. В надписях встречается также переходная форма — *deus Mars*, где римское божество сопровождается словом «бог», как известно, отсутствовавшим в собственно римских посвящениях, но прилагавшимся к местным божествам. *Deus* заменило *Cosus*, считает Ламбрино, или какой-то другой эпитет, который мог прилагаться к Марсу. На третьей стадии римской интерпретации местных верований в той области, откуда происходят два первых типа посвящения, Марс может быть встречен уже без сопровождения *Cosus* или *deus*. Аналогичный процесс отразился в посвящениях Юпитеру и Меркурию.

Подобное происходило и с культом Ларов. Сначала находят посвящения *Lares Caerises*, *Lares Ceretenses* или *Lares Turolicis*, затем их сменяют алтари *Lares viales*.

В группу надписей с *interpretatio Romana* Ламбрино включает также обращения к *Dis Manibus*. До римлян местные жители не имели обыкновения обращаться письменно к божествам-защитникам могилы и умершего. Самая ранняя надпись с *Dii Manes* происходит от 19 г. до н. э., но сама формула *DM* появляется

только во II в. н. э. Впервые формула *DM* встречается в Испании на надгробиях в виде бочки, которые раньше относили к кельтским божествам (*Sucellus*, *Endovellicus*) или к Либери. Очевидно, с римскими *Dii Manes*, включает Ламбрино, ассоциировалось какое-то местное божество без названия, сходное своими функциями с *Dii Manes*.

Ламбрино распределяет божества по группам согласно их функциям: божества производства, скота, соларные культы, божества войны, вод, мертвых и т. п. (*Cosus* и *Bodus* были божествами войны, но Марс мог иметь также и сельскохозяйственные функции, так как должен был защищать землю не только от вооруженных врагов, но и от стихийных бедствий. По этой причине при раскопках вилл находят изображения Марса в полном вооружении. В кельтских землях Марс часто ассоциировался с местными божествами и особенно часто с богами земледелия). Эпона, получившая большое распространение в кельтском мире, на Пиренейском полуострове встречена только однажды; *Bormanicus*, могущественное божество врачевания в Галлии, в Испании встречено дважды; единственное изображение *Cernunnos* — божества скота; несколько указаний на присутствие *Sucellus* «могущественного молотобойца» (Плиний Старший (HN, III, 10) упоминает в Восточной Бетике местечко *Sucaelo*). О таких известных кельтских божествах, как *Esus*, *Taranis*, *Teutates*, *Grannus*, *Belenus*, *Rosmerta*, *Damona* из Испании нет данных. Нет никаких свидетельств также о группах божеств, таких как *Sucellus* и *Nantosvelta*, *Bormanicus* и *Damona*, *Apollo Grannus* и *Sirona*, *Mars* и *Nemetona*, известных в Галлии.

Доклад Рональда Сайма был посвящен личности Адриана, его мировоззрению, склонностям, характеру, образованности: «Адриан как интеллект»¹⁶. «Адриан может быть определен как интеллект со всем тем, что этот термин содержит в себе хорошего или плохого, серьезного или легкомысленного. Он входит в ту категорию людей, которая может быть легко узнаваема и всем хорошо знакома в культурном обществе современного мира. Он любознательный и тщеславный, непостоянный и раздражительный, он против превосходства людей по рождению и классу, авторитету и традиции. Дилетантски занимается искусством, восхищается красотами природы. Космополит по своим вкусам, Адриан предавался путешествиям. Он ненавидит национализм, милитаризм и культ силы (the Cult of Power), и он будет бороться за права человека так же, как и за дело всеобщего мира» (стр. 244).

¹⁶ Sir Ronald Syme, *Hadrian the Intellectual*, стр. 243—249.

Так начинается Сайм свое описание Адриана. Доклад Р. Сайма весьма своеобразен по оценке личности Адриана, не лишённой влияния нашего времени, по смелой интерпретации свидетельств, оставленных самим императором или о нем.

Напомним, что источники характеризуют Адриана как *varius, multiplex, multiformis*. Р. Сайм воссоздает тот весьма выразительный образ Адриана, который, по его мнению, лишь частично отразился в свидетельствах древних. «Адриан хотел знать обо всем. *Omnium curiositatum explorator* — такое определение дает ему Тертуллиан. Экзотика занимает его воображение, особенно древняя цивилизация Нила, памятники которой он поставил в своей вилле в Тибуре. Он в должной мере изучает чужеземные религии; он забавляется мистическими верованиями; он одолевает знание астрологии. Адриан хотел знать лучше, чем кто бы то ни было еще. Отсюда высокая гордость его интеллекта и непомерное тщеславие. Он претендовал быть сведущим во всем. Его обыкновением было все презирать, осмеивать и подавлять знатоков своим авторитетом: когда он действительно стал хозяином мира, кто мог спорить с имеющим 30 легионов» (стр. 245).

Р. Сайм считает, что Адриан становился все более непримиримым к различиям по рождению и классам. Как на пример его демократизма Сайм указывает на дружбу Адриана с Эпиктетом, «мудрецом, который родился рабом». «Адриан любил выставлять напоказ свою любовь к простому народу: посещал общественные бани, вел беседы с людьми низкого положения, рассматривая это как *voluptas humanitatis*, проявление человеколюбия, доставлявшее ему удовольствие, мнение, которое он не хотел потерять по причине величия своего положения». В качестве свидетельств человеколюбия Адриана Сайм называет два его рескрипта. Один из них, уже приводившийся А. Пиганьолом о *splendidiore personae*, захватывавших чужие поля, другой — о мерах наказания для угоняющих скот — адресован провинциальному совету Бетики. Р. Сайм полагает, что местные власти Бетики решили обойтись с угощиками скота более жестоко, чем это предписывалось римскими законами¹⁷, по-

этому Адриан и направил им свой рескрипт. Поддерживая права собственников, подчеркивает Сайм, Адриан вступался за рабов.

Р. Сайм считает Адриана пацифистом: «Несмотря на увлечение охотой и военными упражнениями, Адриан неодобрительно относился к войне. Он доказывал губительность агрессивных войн Траяна и старался положить им конец путем примирений, даже если они казались позорными» (стр. 246). Он отмечает, что Адриан был способен наложить свою печать на законодательство и администрацию Империи. Его гуманное законодательство примечательно само по себе и контрастно с законодательством его предшественников; он оставил ясно очерченную задачу будущим императорам (стр. 247).

Политика Адриана в отношении состава сената была отличной от политики Траяна. В то время как Траян имел склонность к уроженцам Востока, потомкам царей и династов, выводивших свою родословную от Селевкидов и Атталидов, Адриан, напротив, был расположен к образованным классам в городах, к философам, риторам, историкам. Свой доклад Р. Сайм заключает словами: «Мир, которым Адриан управлял и который он символизировал, был греко-римским; теперь этот мир пришел к согласию и гармонии».

Доклад Жана-Реми Паланка был посвящен императору-узурпатору Магну Максиму¹⁸. Правление этого императора, правившего пять лет и признанного Феодосием, почти не нашло отражения в источниках. Паланк пытается реконструировать характер взаимоотно-

маются его угоном как своего рода искусством, уводя из табунов лошадей или быков из стад. Впрочем, если кто уведет потерявшегося быка или расседланную лошадь, не является угоняющим скот, но скорее вором. Те, кто уводит свинью, козу или барана, не должны наказываться тяжелее, чем те, кто уводит много животных. Адриан же предписал за похищение скота приговаривать к принудительным работам в рудниках и даже к смертной казни. Однако те, кто пропущен из знатных домов (*honestiore loco nati sunt*), не должны присуждаться к такому наказанию, но к изгнанию или к перемене сословия. Бесспорно, те, кто угоняет скот с оружием, отдаются на растерзание зверям. Тот же, кто уводит скот, о собственности которого идет спор, как предписал некогда Сатурниин, должен быть передан в гражданский суд. Должно быть доказано, носит ли рассматриваемое дело характер угона скота, или уводящий скот истинно считал его своим насправедливых основаниях».

¹⁸ Jean-Remi Palanque, *L'empereur Maxime*, стр. 255—263.

¹⁷ Dig., XLVII, 14, 1: «О наказаниях для угоняющих скот Адриан так написал совету провинции Бетики: угоняющие скот обычно приговариваются к смертной казни. Наказываются так сурово они не повсюду, но там, где этот род злодеяния является наиболее частым; впрочем, в случае необходимости подчас дается временное наказание. Ведь имеются угощики скота, которые угоняют скот с пастбищ или из табунов и таким образом похищают скот и зани-

шений Максима с Валентинианом II и Феодосием. Максим, comes Britannicarum, был провозглашен императором войсками Британии весной 383 г. (или в конце 382 г.). На сторону Максима перешли также войска Галлии, оставив Грациана, который был убит в Лугудуне 25 августа 383 г.

После убийства Грациана Валентиниан II стал императором Запада. Однако в его реальной власти находилась только Италия, так как Галлия, Британия, Испания и Германия признали Максима, а Иллирик был под контролем августа Востока — Феодосия. При дворе Валентиниана II в Милане (которому в момент узурпации Максима было 12 лет) большую роль играли его мать, императрица Юстина, и епископ Амвросий. Последний дважды отправлялся из Милана с посольством в Трир к Максиму. Но для Максима важно было отношение к нему Феодосия, в руках которого находилась власть над восточными областями Империи и большей частью Иллирика. Паланк рассматривает в этой связи данные панегириста Паката и Зосима о возможных связях Максима и Феодосия (испанцев по происхождению), завязавшихся еще в Британии, а также те построения, которые были сделаны на основе этих данных новыми историками. В 384 г. узурпация Максима была легализована и признана Феодосием и Валентинианом II. Максим был назван августом Галлии, Британии, Испании. Влияние Максима в западных провинциях Паланк рассматривает как национальную реакцию на правление Грациана, при котором возросло влияние франков и германцев. В отличие от узурпаторов-полуварваров Каравиния и Магненция Максим пропеходил из Тарраконской Испании, давно романизированной провинции. В 386 г. Максим захватил Италию и Рим, вынудив Валентиниана II бежать в Фессалоники, к Феодосию. Давление императрицы Юстины заставило Феодосия не признать захвата Италии и объявить Максиму войну. В 388 г. полководцы Максима были разбиты в Паннонии, на Саве; сам он, запершийся в Аквилее, был взят в плен и убит.

Паланк кратко характеризует также религиозные разногласия этого времени, останавливаясь на значении такой фигуры в истории этого периода, как епископ Миланский Амвросий. Будучи вначале приверженцем Аррия, Валентиниан II не всегда находил поддержку у Амвросия.

Доклад Андре Шастаньоля «Испанцы в правительственной аристократии времени Феодосия»¹⁹ был посвящен выяснению роли испанской элиты

в администрации самой Испании и в императорской администрации вне Испании. В результате рассмотрения cursus honorum сенаторов от времени Константина до Феодосия Шастаньоль приходит к выводу, что испанцы занимали высокие посты в государстве, причем среди них было немало членов императорской семьи. Он характеризует административные реформы Диоклетиана и Константина, когда был образован диоцез Испании из пяти провинций (Ближняя Испания или Тарраконская, Галлеция, Лузитания, Испания Карфагенская, Бетика), во главе которых стояли praeses perfectissimi. В диоцез Испании входила также Мавретания Тингитанская. Учрежденная Диоклетианом для всего диоцеза должность vicarius Hispaniarum была дополнена в 313 г. Константином должностью comes Hispaniarum. С 336 г. и викарий, и комит стали подчиняться префекту Галлии, Испании и Британии, образовавших единый военно-административный округ Империи. Эта административная иерархия (наместники — викарий — префект претория) была сохранена при Феодосии, но должность comes Hispaniarum при сыновьях Константина была упразднена. Анализ надписей с упоминанием комитов и викариев (со времени введения этих должностей до времени Феодосия) приводит Шастаньоля к выводу, что из комитов только один может считаться несомненным испанцем, занимавшим эту должность при Феодосии; викарии обычно уроженцы Италии или Африки. Среди наместников Ближней Испании известно несколько уроженцев провинции, но для времени Феодосия нет ни одного испанца; среди наместников Бетики и Лузитании также нет ни одного испанца.

Рассмотрение данных об испанцах в императорской администрации вне Испании приводит Шастаньоля к заключению, что Феодосий позволил занимать высокие административные и военные посты на Западе и Востоке Империи членам своей семьи и семьи своей жены Флациллы.

Шастаньоль предлагает новое восстановление фрагментарной надписи (CIL, II, 4911) времени Феодосия, восстановление части текста которой давалось в таких вариантах: praeses nova provincia Gallaecia или nova provincia Mauretania. Шастаньоль восстанавливает как primus consularis novae provinciae Maximae, считая, что узурпатор Максим, уроженец Тарраконской Испании, дал новое название своей родной провинции от своего имени.

Сообщение Робера Рикара²⁰ было посвящено разбору свидетельств

¹⁹ André Chastagnol, Les espagnols dans l'aristocratie gouvernementale à l'époque de Théodose, стр. 269—290.

²⁰ Robert Ricard, Feijoo et les empereurs romains d'Espagne, стр. 293—300.

испанского хрониста, епископа Бенито Херонимо Фейхо, о римских императорах-испанцах в опубликованной в 1730 г. *Glorias de España*. Рикар отмечает, что характеристики Фейхо императоров и его суждения о завоевании Испании Римом представляют интерес с точки зрения мировоззрения ученого епископа, но они лишены всякой ценности как исторический источник. Так, Фейхо пишет, что «захват Испании римлянами, который мог бы казаться позором и бесчестьем, напротив, послужил к славе страны. Никогда бы Испания не дала императоров Риму, если бы Рим не сделал ее своей провинцией». Рикар приводит зарисовки Фейхо римских императоров: «Траян, имевший свои недостатки, был конечно великим императором, его победы приумножили Империю, он был настоящим отцом народа, справедливым и милосердным, неутомимым строителем. Адриан отличался своим прилежанием к делам, своими неутомимыми путешествиями в целях контроля, своим интересом к литературе, наукам и искусству, своей обширной личной культурой». (К характеристике Адриана Фейхо возвращается и позднее, в 1743 г. и высказывает строгое суждение о «подозрительности императора, его извращенных правах и безрассудной страсти к Антиною»). Феодосий определяется Фейхо как благородный, и восхищение им возрастает: «Феодосий представляет новый мир; это великий христианский император, счастливый предводитель, благородный в политических делах, милосердный, справедливый, свобододолюбивый, религиозный, скромный, приветливый и еще более великий, чем Константин, весьма терпимый к арианской ереси, такой же великий, как Карл Великий». Рикар отмечает, что включение Фейхо трех римских императоров в *Glorias de España* свидетельствует, что для него не существовало никакого перерыва между Испанией римской и Испанией его эпохи: эта последняя родилась от той и ее продолжала. Как отмечает Фейхо в начале: «его целью было показать Испании современной Испании древнюю, Испанию сегодняшнего дня — славные деяния их предков, сыновьям — заслуги отцов». У Фейхо приведены некоторые свидетельства древних

об испанцах: Фукидида, Диодора Сицилийского, Юстина, Страбона, Тита Ливия и др. Он сообщает также о войнах Ганнибала в Испании, об осаде Сагунта, о Вирiate, Сертории, об осаде Нуманции и, наконец, о войнах Цезаря и Августа, приведших к подчинению всей страны. Во второй части своего труда Фейхо повествует о латинских авторах, которые родились в Испании, среди них Сенека, Помпоний Мела, Квинтилиан, Лукан, Марциал, Орозий и др. (Фейхо отмечает, что «Испания дала двух Цицеронов — Квинтилиана и Сенеку, в то время как Италия произвела только одного, а другие народы и ни одного»). Рикар определяет морально-историческую концепцию Фейхо в вопросе о характере, целях и интересах государства. Он прослеживает также традицию такого рода свидетельств в других хрониках типа *Laudes Hispaniae*.

В качестве приложения в томе докладов дано сообщение о двух фрагментарных надписях из муниципия Мунгуи, посвященных Адриану²¹; надписи содержат только титулатуру Адриана, число его консульств и трибунской власти, что датирует надписи 132 г.

Как мы могли уже видеть из изложенного, тематика докладов была разнообразной. Знакомство с докладами бесполезно для историка-античника самого различного профиля. Одни из них, посвященные общим вопросам, представляют более широкий интерес. Другие весьма содержательны в просопографическом отношении. Часть докладов заслуживает внимания с точки зрения культурно-политической и внешнеполитической истории Империи. Некоторые доклады важны для истории отдельных городов. Оценивая высоко научно-исследовательский уровень докладов и их фактическое содержание, мы не можем не отметить, что некоторые из докладов отличает преувеличенная и идеализированная оценка личности Адриана и его политики.

Ю. К. Колосовская

²¹ Fernandez-Chicarro y de Dios, *Dos nuevas inscripciones alusivas al emperador Hadriano*, стр. 305—307.

AGATHIAE MYRINAEI Historiarum libri quinque recensuit R. Keydell, Apud Walter de Gruyter et socios, Berolini, 1937, XL + 232 стр.

В серии «Corpus Fontium Historiae Byzantinae», первым томом которой было сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей», вторым вышло новое издание «Истории» Агафий, подготовленное Р. Кейделем.

Агафий Миринеяский (VI в. н. э.) с полным правом может быть отнесен к числу последних позднеантичных писателей¹. Он начинал свою литературную

¹ О его взглядах см., помимо указан-

деятельность с эпиграммы, и его поэтические сочинения остаются в кругу традиционных тем и образов античной поэзии². Платон остается для него авторитетом, в эпиграммах, и в «Истории» он прямо отсылает к Платону в введении к историческому сочинению (§ 9, стр. 5, 1: аллюзия на Plat., Phaedr. 245a³) — и это несмотря на закрытие неоплатонической школы в Афинах! Он живет в мире античных традиций: он ссылается на таких греческих авторов, как Аристотель, Геродот, Диодор, Ксенофонт (список далеко не полный). Предмет истории для него (I, 1, 2, стр. 10, 4—6), как и для его античных предшественников, — прежде всего войны — и любопытно отметить, что византийские историки в дальнейшем, несмотря на сильное влияние Агафия (особенно на Льва Диакона в X в.), постепенно меняют тематику и все больше сосредоточиваются на событиях внутренней жизни (достаточно сослаться на Михаила Пселла в XI в. и Никиту Хонната в XII в.).

Христианство почти не затронуло Агафия или затронуло чисто внешне: в трех эпиграммах он касается христианских образов, несколько раз упоминает «христиан» в «Истории» [франки были христианами, придерживавшимися правой веры (I, 2, 4, стр. 11, 14—15); Стефана христиане считают первым добровольно пострадавшим за веру (III, 5, 7, стр. 89, 14—17); Юстин решает идти в храм, весьма почитаемый христианами (III, 24, 7, стр. 116, 8—10)] — однако он не упоминает Христа и о божестве предпочитает говорить, пользуясь философскими категориями τὸ θεῖον, τὸ ἀγαθόν, τὸ κρείττον. Движущую силу исторического процесса он усматривает не в неразумной судьбе (παράλογος ἀνάγκη) и не в божественной причине (τὸ θεῖον αἴτιον), а в свободной воле людей (I, 1, 3—5, стр. 10, 6—17). О богословских спорах своего времени, касавшихся проблем при-

роды (φύσις) и сущности (οὐσία) божества и того, могло ли оно страдать (τὸ παθητόν) и было ли неслитым (τὸ ἀξίχυτον), — терминология Агафия отчетливо намекает на тринитарно-христологические дискуссии тех лет, — он отзывается с насмешкой, считая недопустимым, чтобы неграмотное простонародье касалось сложных проблем теологии (II, 29, 2—3, стр. 78, 13—19).

Продолжатель Прокопия Кесарийского, Агафий принадлежал к тому же социальному и культурному кругу, но, по верному наблюдению И. Ирмшера, он «человек второго поколения», он не отваживался на Прокопиеву фронтону и не решался на откровенный агностицизм. Боевой задор позднеантичной аристократии постепенно сходил на нет.

«История» Агафия начинается с того момента, на котором остановился Прокопий, и охватывает 552—559 гг.⁴ Для этого времени она является основным источником, существенным не только для Восточной Римской империи, но и для ее соседей. В частности, он очень подробно рассказывает о лазах (иначе колхах) и о других народах Кавказа.

Сочинение Агафия давно уже вошло в научный оборот. В 1516 г. появился латинский перевод Христофора Персоны (1416—1486), сотрудника известного кардинала Исихора, основанный, как полагает Кейдель (стр. XV), на какой-то ныне утраченной рукописи. В 1594 г. Б. Вулканский издал греческий текст по Лейденской рукописи XIV в. Текст Вулканский переиздавался несколько раз, а в 1828 г. Б. Нибур переработал его с привлечением позднего (XVI в.) списка (Rehdigeranus 11), ныне принадлежащего Вроцлавскому университету, перевода Персоны и некоторых экцерптов из Агафия, сохранившихся в «Суде» и других византийских сочинениях. Издание Нибура⁵ — оно было несколько раз перепечатано, в том числе Л. Диндорфом с некоторыми эмendaциями⁶ — служило исследователям Агафия до последнего времени.

ного Кейделем: J. Irmischer, Die geistige Situation der Intelligenz im Zeitalter Justinians, в кн. F. Altheim, R. Stiehl, Die Araber in der alten Welt, Bd. IV, B., 1967, стр. 354—357; на русском языке: М. В. Левченко, Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение, «Виз. врем.», III, 1950, стр. 62—84.

² Краткие замечания об Агафии-поэте см. также «История греческой литературы», III, М., 1960, стр. 132 сл. Сборник эпиграмм Агафия относят обычно ко времени Юстиниана I, однако сравнительно недавно он был датирован началом царствования Юстиниана II, примерно 567—568 гг. (Av. and Al. Cameron, The Cicle of Agathias, JHS, 86, 1966, стр. 23 сл.).

³ См. русский перевод: Платон, Избранные диалоги, М., 1965, стр. 208.

⁴ Вестник древней истории, № 3

⁴ Так правильно — Кейдель (стр. VIII), тогда как обычно в качестве последней даты указывают 558 г. См., например, Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, B., 1958, стр. 215; «История Византии», I, М., 1967, стр. 30. Однако Агафий доводит свое повествование до похода Заберхана на Константинополь и его отступления (V, 20—25, стр. 189—197); поход же Заберхана, который прежде относили к 558 г., теперь датируется 559 г. (см. уже А. П. Дьяконов, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков, ВДИ, 1946, № 1, стр. 23).

⁵ Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque, Bonnae, 1828.

⁶ Historici graeci minores, ed. L. Dindorf, vol. 2, Lips., 1871, стр. 132—392.